

- Уважаемая Людмила Фёдоровна, - очень чётко и крайне вежливо произнёс я, - не доставите ли Вы мне удовольствие, позволив подлизать Вашу жопу?

- Доставлю, Алёшенька, - хохотнула она в ответ, - как же не доставить! Вылезай, вытирайся и приступай!

Я скорейшим образом завершил свой туалет, не забыв как следует вымыть член и собственную попу, и выбрался из ванны. Вытершись махровым полотенцем, на которое мне указала Людмила Фёдоровна, я предстал перед ней, восседающей на «белом коне».

- Ну, что, Лёшенька, - весело спросила она, - ты в самом деле готов подлизать мне попку?

- Да, Людмила Фёдоровна! - с жаром ответил я.

- Да-а-а, Алёша, - уже без всякой весёлости ответила Людмила Фёдоровна, - ты бесконечно, испорченный мальчишка: Впрочем, чего и греха таить, я сильно приложила к этому руку. Что ж я за старая блядуга: - Она почему-то загрустила. - Нет, Алёша, - твёрдо продолжила она, - сегодня ты мне жопу подлизывать не будешь! Когда-нибудь потом, может быть: Если захочешь и сам попросишь.

- Но почему не сейчас? - взвыл я.

- Потому что я так сказала! - рявкнула Людмила Фёдоровна. - И вообще, я тебя ещё не выпорола как следует, вали в комнату и готовься к порке! Быстро!

Она засунула руку с бумажкой между ног и подтёрлась, что не помешало ей отвесить мне другой рукой довольно чувствительного шлепка, красноречиво изгоняющего меня за пределы санузла. За закрытой дверью я услышал звук спускаемой воды и шум ручной мойки крана.

Так или иначе, душа моя пела! Таких эротических впечатлений мне ещё не доводилось испытывать! Самое крутое, что было до этого момента - это неуклюжие попытки однополый любви с моим другом детства Серёгой: мы на пару драчили на его колоду порнографических карт, зачастую друг дружке, на две-три секунды брали друг у друга в рот, а один раз, когда у Серёги никого не было дома даже попробовали потрахать друг друга в попку, по принципу «на безрыбье». Стоит ли говорить, что из этого ни фига не вышло?

Неспешно перемещаясь абсолютно голым по квартире Людмилы Фёдоровны, я вернулся на место экзекуции, то есть к дивану, и стал думать, какую бы позицию пособлазнительнее мне занять для второй части порки. В конце концов я не нашёл ничего лучшего, кроме как лечь животом на тот же диван, подложив под свои бёдра маленькую диванную подушечку, чтобы попка выдавалась кверху. Так я и лежал, пока не услышал шаги Людмилы Фёдоровны. Вошла она уже будучи одетой в просторный шёлковый халатик, не скрывающий, впрочем, её соблазнительных форм. Было заметно, что под ним на ней уже нет никакого нижнего белья!

- Хм, позиция неплохая, - одобряюще произнесла она. - Одно только непонятно пока что: сколько же горячих тебе ещё выдать? - Она взяла в руки мой ремень, сложила его вдвое и грозно щёлкнула им. - Сам как думаешь, сколько тебе причитается?

- Двадцать горячих, Людмила Фёдоровна! - не задумываясь, словно бравый оловянный солдатик отрапортовал я. На самом деле я прикидывал, что для полного кайфа и чтобы не было слишком больно двадцати ударов должно хватить.

- Двадцать: - медленно, раздумывая, произнесла Людмила Фёдоровна. - Хм, как наказуемый

ты склонен скорее всего раза в 1,5 занижать причитающееся тебе, так что по факту должно быть 30 горячих. С другой стороны, ты так здорово мне отлизал, что заслуживаешь амнистии в два раза меньше - получаем 15 горячих. С третьей стороны, ты такой маленький мерзкий извращенец, что надбавить тебе 10 горячих сам Бог велел, итого получаем 25. Готов?

- Так точно, Людмила Фёдоровна! - отвечивал я со своей голгофы.

- Ну, держись тогда!

Ремень со свистом врезался в мою выставленную на казнь задницу! Боль пронзила нижнюю часть тела, но в то же время дала импульс, ожививший мой временно утомившийся член, как разряд тока сокращает мышцы мёртвого тела. Однако в отличие от трупа мой член собирался жить, причём весьма активно! На десятом ударе он крепко затвердел, на пятнадцатом - был готов прорвать обшивку дивана, на двадцатом - я молился лишь о том, чтобы не кончить! В это же время боль разливалась от ягодиц по бёдрам каким-то горьким, но в то же время живительным теплом. К двадцать пятому, последнему удару я был уже готов вознести небу проклятия своим родителям, которые в силу врождённой интеллигенции ни разу не наказывали меня ремнём и в течении, по меньшей мере, шести последних лет (с первого класса) лишали меня такого удовольствия!

- Ффух! - вздохнула Людмила Фёдоровна. - Ну, что Лёш, живой?

- Живой, Людмила Фёдоровна! - бодро отвечивал я. - Живее всех живых! Ох, здорово же Вы мне вломили, - сказал я поднимаясь.

- Видно, не так и здорово, раз ты такой довольный, - отвечивала Людмила Фёдоровна. - Ладно, иди одевайся, я чайник поставлю.

Я отправился в ванную за одеждой. Однако надеть сходу трусы не вышло: уж больно сильно жгла высеченная попа. Пришлось ограничиться футболкой, так что на кухню я вошёл «беспорточной командой».

Людмила Фёдоровна всё в том же своём шёлковом халатике хлопотала на кухне.

- А, оделся уже? - спросила она, обернувшись. - А трусы-то чего не надел? Понимаю: попа болит. Погоди, сейчас:

Людмила Фёдоровна вышла из кухни и через некоторое время вернулась с каким-то тюбиком в руке и села на диван.

- Иди сюда, - позвала она. - Повернись попой. Не бойся, больно не будет.

Она стала намазывать мою выпоротую попку какой-то мазью. Мазь давала прохладу, и болезненный зуд будто бы растворялся в её обволакивающей массе.

- Вот так, - сказала Людмила Фёдоровна, закончив процедуру. - Теперь минут 15-20 и всё пройдёт.

Мы пили чай, я, чтобы дать мази высохнуть, так и стоял с голой попой. Людмила Фёдоровна, уже изрядно протрезвевшая рассказала свою невесёлую историю. До прошлого года она преподавала математику в соседней школе. Народ там учился простой, безбашенный, нервы выворачивал наизнанку. Кончилось тем, что, не сдержавшись, она залепила пощёчину какому-то наглomu хмырю, позволившему себе оскорбительное высказывание в её адрес. Папаша хмыря внезапно оказался «крутым» и Людмиле Фёдоровне быстренько предложили написать «по собственному желанию». Семейная жизнь не добавляла радости: муж Людмилы Фёдоровны - инженер-авиаконструктор, внезапно оставшийся без работы непосредственно после начала «экономических реформ», крепко и баззаветно пил всё что горит, срывая на жене свою неудовлетворённость жизнью. Пил, пока

не дорвался до спирта "Ройяль" : 20-летняя дочь умудрилась выскочить замуж за немца и безо всякого сожаления свалила в ФРГ. На похороны отца она не приехала.

Людмила Фёдоровна осталась одна. Череда мужиков один гаже другого, попытки встроиться в "новую экономическую систему" - всё это привело только к одному: росту количества употребляемых спиртных напитков, повышению градуса одиночества, депрессии, неудовлетворённости собой и окружающим миром.

И тут подвернулся я. Оказалось, что в первый момент, когда я поднял её из лужи, ей показалось, что я - это тот самый мальчик-мажор, из-за которого она вылетела из школы.

Именно этим объяснялась её суровость в первые мгновения нашего общения. Она призналась, что "этого засранца" , как и многих других в её классе ей "реально хотелось выдрать ремнём по голой попе". И тут, казалось бы, "засранец" попался!

- Знаешь, Лёш, - говорила Людмила Фёдоровна, - реально поначалу показалось спьяну, что ты - это тот самый гондон! Даже когда ты вежливо так мне отвечал, казалось, что это издевательство какое-то, сарказм: Вот же блядь я старая, как же так нажраться можно было!

- Ничего страшного, - успокаивал я, - с кем не бывает. - К тому моменту мазь уже впиталась, и я сидел за столом на табуретке, хоть и по-прежнему без трусов.

- В общем, досталось тебе, что называется, "за того парня" , - грустно подытожила Людмила Фёдоровна. - И ещё за десятка два других козлов и коз. Ты уж не обижайся, дружок: